

Голубович И.В.

**Г.В. ФЛОРОВСКИЙ:
«ПУТЬ», НАЧАВШИЙСЯ В ОДЕССЕ
(фрагменты интеллектуальной биографии)**

«Уроженец окраинного города империи — многоязыкой и многоконфессиональной Одессы, сын иерея Русской Православной Церкви, питомец университетских центров Одессы и Праги, соиздатель Свято-Сергиевского института в Париже и Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке, один из отцов основателей Всемирного Совета Церквей,... гражданин Града, имеющего прочные основы», — так образно определил основные вехи жизненного и интеллектуального пути ярчайшего представителя русской православной мысли XX века Г. Флоровского (1893-1979) известный славист Дж. Уильямс. [1, с. 131].

В эту характеристику закралась одна ошибка, впрочем, вполне объяснимая. Г. Флоровский родился не в Одессе, а в Елисаветграде. Однако, его подлинным «домом» стала и осталась навсегда Одесса — город, о котором он вспоминал чаще всего с большой теплотой [1, с.7]. Именно в Южной Пальмире прошли его детство и юность. Семья кандидата богословия Василия Антоновича Флоровского, отца Георгия, перебралась в Одессу, когда мальчику было всего полгода. А покинул он Одессу в 1920 году в возрасте 27 лет. Поэтому и мы в настоящей публикации обращаясь к истории жизни и творчества выдающегося богослова и философа, позволили себе вслед за Дж. Уильямсом сказать: путь, начавшийся в Одессе. А нашим проводником по жизненным и интеллектуальным путям и тропам Г. Флоровского будет «Жизнеописание о. Георгия»

составленное в течение многих лет его учеником и близким другом Эндрю Блейном [1].

Основная задача данной публикации — обозначить и проанализировать одесский этап жизненного и творческого пути Г.В. Флоровского сквозь призму его интеллектуальной биографии. Это обращение не случайно в контексте творчества самого нашего героя, избравшего исторический подход к рассматриваемым феноменам. Он — автор блестящих, ярких, глубоких и афористичных «интеллектуальных биографий» Отцов церкви, богословов и философов, как близких его сердцу, так и далеких ему по духу. Поэтому ориентиром в нашем обращении к данному сюжету будут труды самого отца Георгия, прежде всего, его «Восточные отцы IV века», «Восточные Отцы V-VII веков», «Пути русского богословия» [3, 11, 12].

К жизни и творчеству одного из выдающихся представителей отечественной религиозно-философской мысли ушедшего столетия обращались упомянутые нами Э. Блейн и Дж. Уильямс [2], а также И. Мейендорф [3, с. У1Х], А. Аржаковский [4], М. Хомяк [5], С. Хоружий [6, 7]. Историю семьи Флоровских (интереснейшая тема, нуждающаяся в специальном обращении) изучали одесские краеведы Г. Зленко и В. Галяс [8, 9]. Надеемся, что станут доступны нашему читателю и многочисленные зарубежные исследования, посвященные отцу Георгию (М. Шаткин, Д. Нейман, Я. Пеликан, Дж. Мэллони, Дж. Бебис, Н. Ниссиотис, Х. Яннарас и др. [10, с. 149-151; 1, 226-227]).

Во-многом опираясь на вышеуказанные исследования, мы подчеркиваем, что концептуально в центре нашего внимания — специфика жанра «интеллектуальной биографии», его возможности и перспективы. Поэтому мы обращаемся еще и к работам данного направления [13, 14, 15, 16]. В современном гуманитарном знании, которое, во-многом развивается под знаком «антропологического поворота», растет интерес к биографической проблематике и методологии биографического анализа. И даже знаменитый тезис Р. Барта о «смерти автора», лишаящий всякой ценности биографию уже «десакрализованного» творца, не привел к кризису данный жанр, а лишь придал ему иное измерение и глубину.

Г. Флоровский в центре внимания которого всегда были мыслители и богословы, «сплавившие» в себе житиетворчество и мыслетворчество, «события жизни» и «события мысли/ текста», оказывается нашим современником в спорах о «смерти» или ренессансе биографического дискурса. Как нам представляется, он все-таки на стороне тех, кто считает такой дискурс чрезвычайно плодотворным.

Отстаивать права «интеллектуальной биографии» приходится не только в дискуссии с ее последовательными противниками, но и с теми, кто признает данный жанр, однако с существенными оговорками. Их смысл обобщенно заключается в следующем: обращение к биографии мыслителя, художника, любой крупной личности чревато тем, что творческие достижения часто рассматриваются исключительно в их биографической укорененности, тогда «события мысли», не очищенные от жизненной канвы, «подмигивают», соблазняют нас тем, чтобы мы считали их почти полностью детерминированными «жизненной ситуацией».

Кто боится и не терпит «неизбежного автобиографизма мысли» (Б. Вальденфельс), по-возможности, максимально разводит два режима — жизни и творчества, дабы действительность не покрывала, не перебивала мысль и не овладевала ею [17, с. 55]. Но может быть, более честно, хоть и более рискованно — не перерезать эту связь, а оставить, рассматривая содержание мысли, этот пласт «человеческого, слишком человеческого». Научиться, не отсекая его, видеть в биографическом канал, «топос», пространственно-временное измерение самой мысли, единственную форму ее существования, доступную человеку. Как нам представляется, Г. Флоровский был одним из тех редких мыслителей, кого не только не пугал, но и привлекал «биографизм» мысли, пути мысли он видел как пути жизни.

В этом выборе приоритетов не последнюю роль сыграли обстоятельства биографии самого Георгия Флоровского —

сына священника и выпускника историко-филологического факультета Новороссийского университета. В определенной мере, и благодаря этим обстоятельствам, решающее значение для Г. Флоровского с самого начала его творческого пути имели «...история и вера. Но не в качестве сухой науки или сокрытого знания, а в качестве опыта, пропущенного через себя, поскольку я приобщился к ним с самого детства, они были для меня столь же естественны, как и сама жизнь» [1, с. 12]. Эта реплика из воспоминаний отца Георгия поясняет и тот факт, что он стал «верным», а не «блудным сыном» свято-отческой традиции, в отличие, скажем, от Сергия Булгакова. (Такое деление представителей отечественной философии на «верных» и «блудных», но вернувшихся» в лоно православия, предлагает, в частности, французский историк А. Аржаковский в своей работе о журнале «Путь» [4]).

Одессе Г.В. Флоровский обязан очень многим. Говоря уже впоследствии об одесской атмосфере начала века, отец Георгий выделил, прежде всего, две ее черты, во многом обусловившие его собственные духовные приоритеты [1, с. 8-9]. Это, в первую очередь, дух открытости, «всемирности». Флоровский столкнулся с этой стороной одесской жизни еще в гимназии, классы которой отличались пестрым интернациональным составом. Во-вторых, духовную атмосферу Одессы тех лет характеризовала общность культурного фона, связывающего воедино всю страну. Абсолютно не чувствовалось и налета провинциализма. Человеку с высокими интеллектуальными запросами, как вспоминает Георгий Флоровский, было доступно очень многое. Лично для него и его семьи это единство культурного ареала манифестировалось в феномене «толстых журналов». И этот «круг чтения» был кругом самого высокого уровня. Ведь для периодических изданий, в частности для «Нивы», доступных и по цене, писали лучшие журналисты, ученые, историки. Об этой форме создания единого духовного «локуса» сегодня мы можем лишь ностальгически вспоминать.

Но вернемся к семье Флоровских, история которой сама по себе является интереснейшим и пока еще мало изученным явлением в культурной жизни Одессы предреволюционных лет. Все дети священника Василия Флоровского — три сына и дочь — получают светское образование. Двое из них — Антоний (известный впоследствии историк, после эмиграции всю жизнь проживший в Праге) и Клавдия заканчивают историко-филологический факультет Новороссийского университета. И младший сын Георгий тоже поступает на историко-филологический факультет семейной альма-матер. Его склонности и профессиональное призвание к тому времени в основном уже определились.

Окончив гимназию с золотой медалью, Флоровский имел право поступить в любой университет Российской империи. Но так как по состоянию здоровья он не мог уезжать далеко от дома, нуждаясь в постоянном медицинском наблюдении, ему пришлось остановить свой выбор на университете Новороссийском. Поскольку Георгий изначально хотел специализироваться в области философии, он записался на историко-филологический факультет, где сосредотачивались тогда все виды гуманитарного образования. Здесь он не мог остаться без опеки и внимания. В университете преподавал славянскую филологию и историю южных славян Михаил Георгиевич Попруженко, крестный отец и дядя Георгия, впоследствии директор городской публичной библиотеки. А в 1910 году принят в число приват-доцентов по кафедре русской истории Антоний Флоровский, ставший затем, как мы уже писали выше, известным историком, исследователем екатерининской эпохи и земельных отношений на юге Украины. С особой благодарностью Георгий Флоровский вспоминал таких университетских преподавателей, как Н. Ланге, А.П. Казанский (философские дисциплины), П.М. Бицилли, В.М. Круссман (история), С. Шатковский (математика), В. Бабкин (физиология). Особенно важную роль в философском становлении Флоровского сыграл профессор Николай Ланге.

На первый взгляд, это покажется странным, ведь Ланге являлся учеником Вильгельма Вундта и последовательно отстаивал позитивистскую точку зрения. Трудно было найти студента, более чуждого Ланге, чем Георгий Флоровский с его религиозными и метафизическими пристрастиями. Тем не менее, они сошлись как «лед и пламень». С благодарностью потом вспомнил отец Георгий позицию своего философского наставника-оппонента: «Вы можете, если хотите заниматься метафизикой, но при условии, что основательно изучите позитивные науки... Если вы окажетесь в науке столь сведущи, как всякий добрый позитивист..., вам можно будет простить ваш выбор» [1, с. 23].

Главная страсть Флоровского, философия, определилась уже на первом курсе. Как свидетельствует личное дело студента Георгия Флоровского, хранящееся в Одесском областном архиве, он каждый год обращался с прошением к ректору о разрешении «для специальных занятий философией» прослушать ряд курсов на физико-математическом факультете, куда в те годы входило и естественное отделение. Все пять лет учебы в записях о посещении лекций совмещалось у него столь несовместимое: история русской церкви и физическая химия, основные направления современной философии и интегральное исчисление, чтение Платона, Фукидида, Еврипида и системный курс душевных болезней, история византийского искусства и гистология. Позднее, уже в годы эмиграции Г. Флоровского называли «блестящим самоучкой». То, как плодотворно распорядился он своими студенческими годами в Одессе, подтверждает эту характеристику. Об этой блестящей разносторонности свидетельствует и тот малоизвестный факт, что студенческая работа Флоровского по физиологии, посвященная механизмам слюноотделения (написанная, кстати, на английском языке) получила одобрительную оценку И. Павлова и рекомендацию выпустить ее отдельной брошюрой.

Одним из семейных увлечений семейства Флоровских была библиография. Без представителей этой фамилии трудно себе

представить деятельность библиографического общества при Новороссийском университете. Антоний Флоровский был одним из его учредителей. Самый старший из братьев Флоровских Василий, окончивший медицинский факультет, совмещал лечебную практику с составлением библиографического указателя по истории Одессы. А на одном из первых заседаний общества в феврале 1912 года одновременно приняты в его члены известный историк профессор Е. Щепкин и второкурсник Г. Флоровский. Он стал одним из постоянных авторов «Известий библиографического общества». В 1912 году Флоровский опубликовал там две большие статьи «Новые книги о Владимире Соловьеве» и «Из прошлого русской мысли» [18, 19], а также ряд рецензий на работы Фрейда, Ницше, Вундта. Поэтому у нас есть редкая возможность окунуться в лабораторию мысли 19-летнего юноши. Первое, что бросается в глаза — зрелость, взвешенность, трезвость суждений. О ком бы ни писал юный автор, он свободно ориентировался в огромном потоке разноязычной литературы, проводя глубокий ее анализ. Основательность, огромное количество ссылок и библиографических примечаний, — эта особенность всех поздних работ Флоровского, сформировалась уже в студенческие годы. Так его студенческая конкурсная работа по классической филологии «Разработка мифа об Амфитрионе в древней и новой драме», за которую второкурсник Георгий получил серебряную медаль, вместо 25-ти положенных страниц содержала 526. Позднее Н. Бердяев отметит полшутя-полусерьезно это свойство Флоровского: «Его рецензии — это статьи, его статьи — монографии, а монографии — многотомные сочинения» [1, с. 25]. При этом стиль мыслителя всегда был сжат, афористичен и плотен, не содержал литературных излишеств. Афористичность письма, которой гордился сам отец Георгий, также постепенно сформировалась в студенческие годы. Одно из замечаний к упомянутой нами конкурсной работе, сделанное тогда рецензентами — многословие, наличие повторов. Георгий воспринял эту критику. И больше никто не смог в последствии упрекнуть его в этом.

И все-таки главной темой Г. Флоровского, стала не античная классика, а история отечественных религиозных и философских исканий. Основное утверждение упомянутой уже работы «Из прошлого русской мысли»: «Ось, на которую нанизывались все течения мысли — это идеал цельного знания, целостного духа. Это даже не столько идея, сколько особое жизнеощущение» [18]. И уже в юношеской работе Флоровского заложены основания для разработанного им позднее варианта неопатристического синтеза. В 1912 году второкурсник Новороссийского университета отмечает, что все разумное в высшем смысле, благое и вечное, что подспудно или явно питало нашу философию и литературу, идет от учения Святых Отцов. И мы уже на ранних этапах творчества Георгия Флоровского фиксируем идею, красной нитью проходящую через его зрелое творчество (в том числе и через знаменитые «Пути русского богословия») — приоритет святоотеческой традиции и как залог истинности нашего духовного пути.

Когда же юный Флоровский пишет о близком его сердцу Владимире Соловьеве, он отмечает главную его слабость: «Запредельное, вечное казалось ему так близко, что он хотел вместить его в земные рамки, обрекая себя на неудачу» [19]. Здесь истоки еще одной излюбленной темы зрелого мыслителя — темы оснований утопизма (особенно интересной в этом смысле является статья «Метафизические предпосылки утопизма» [20]). Высказанное столь рано и так четко, отпечаталось на всю жизнь. До конца дней в творчестве отца Георгия остались и глубокое уважение к высотам отечественных духовных исканий, и обостренное чутье к любым утопическим соблазнам, и признание православия высшей мерой познания и жизни.

Из выпускников историко-филологического факультета 1916 года только двое остаются при университете «для приготовления к профессорскому званию». Один из них — Георгий Флоровский. Далее его следы можно найти в списках преподавателей и стипендиатов Высшей школы г. Одессы за 1919 год. Здесь он значится как стипендиат-преподаватель историко-филологического и

международного факультетов [8]. Здесь, пожалуй, можно ставить точку в одесской страничке жизни и творчества выдающегося православного богослова. Семья Флоровских в 1920 году приняла решение покинуть родину. В Одессе остался только старший из братьев — врач Василий Флоровский, который умер в 20-е годы.

О своем ощущении в тот период отец Георгий напишет позднее: «Я был убежден, что никогда уже в свою страну не вернусь. Это была не мысль, а скорее ощущение... Но я знал, что уезжаю навсегда, и была уверенность, что найду какое-то дело в этом другом мире, куда я отправляюсь» [1, с. 22]. Действительно, Георгия Флоровского ожидал плодотворный творческий путь: «евразийский соблазн» и возвращение в лоно православия, выбор священнического служения, обращение к экуменизму и принципиальное отстаивание позиции православной церкви, активная литературная и преподавательская деятельность.

В последние годы интерес к судьбе и творчеству Г.В. Флоровского растет. Как пишет о нем И. Мейендорф, в стихии «своевольных дерзаний и новаций особенно ценным было присутствие того, кто был бы способен не осудить и отринуть все разом, но, поняв каждого, как бы с ним пройдя его путь, затем соотнести этот путь не с неким мертвым шаблоном, но с живым духом православия» [3]. И, как нам представляется, принцип «понять каждого» — отражение не только личных интеллектуальных пристрастий отца Георгия, но и духовной атмосферы Одессы, которая его взрастила.

Литература

1. Блейн Э. Жизнеописание отца Георгия // Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ. — М., 1993. — С. 7-240.
2. Уильямс Дж. Неопатристический синтез Георгия Флоровского // Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ. — М., 1993. — С. 307-367.
3. Флоровский Г.В. Пути Русского богословия. С предисл. прот. И. Мейендорфа. — Париж: YMCA-PRESS, 1983.

4. Аржаковский А. Журнал «Путь» (1925-1940 годы): поколение русских религиозных мыслителей в эмиграции. — К.: Феникс, 2000.
5. A Revolution of the Spirit. Crisis of Value in Russia 1890-1924. Edited by Bernice Glatzer Rosenthal, Marta Bohachevsky-Chomiak. — Fordham University Press, New-York, 1990.
6. Хоружий С.С. Россия, Евразия и отец Георгий Флоровский // Начала. — 1991. — № 3. — С. 22-30.
7. Хоружий С.С. Непатристический синтез и русская философия // Вопросы философии. — 1994. — №5. — С.75-89.
8. Зленко Г. Флоровские: заметки об одном разоренном культурном гнезде // Вечерняя Одесса. — 1 февраля 1991.
9. Галас В.Т. Доктор В.В. Флоровский // Вечерняя Одесса. — 10 января 2002.
10. К 80-летию прот. Г. Флоровского: Жизненный путь. — Вестник РСХД. — 1974. — № 108-110.
11. Флоровский Г.В. Восточные Отцы IV века (Из чтений в Православном богословском институте в Париже). Второе издание — М.: МП «Паломник», 1992.
12. Флоровский Г.В. Восточные Отцы V-VIII вв. (Из чтений в Православном богословском институте в Париже). Второе издание. — М.: МП «Паломник», 1992.
13. Соловьев Э.Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования // Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас. — М., 1991. — С. 19-66.
14. Аверинцев С.С. «Скворешниц вольных граждан...». Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. — СПб.: Алетейя, 2001. — 167 с.
15. Руднев В.П. Божественный Людвиг (Витгенштейн: Формы жизни). — М.: Прагматика культуры, 2002. — 256 с.
16. Щедрина Т.Г. «Я пишу как эхо другого...»: Очерки интеллектуальной биографии Густава Шпета. — М.: «Прогресс-Традиция», 2004. — 416 с.
17. Вальденфельс Б. Мотив чужого. — Минск: Прописи, 1999.
18. Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли. — Од.: Центр. типогр., 1912. — 22 с.
19. Флоровский Г.В. Новые книги о Владимире Соловьеве // Известия Одесского библиографического общества. — Т. 1. — Вып.7. — О., 1912. — С. 237-255.
20. Флоровский Г.В. Метафизические предпосылки утопизма // Вопросы философии — 1990. — № 10. — С. 80-96.
21. Голубович И.В. «Поняв каждого...». К 100-летию Г. Флоровского // Вечерняя Одесса. 4 октября 1993 г.